

Глава 28: Моего мужа зовут Шэнь Цзицзе

С тех пор как Лу Жун вышел замуж, он стал более навязчивым, он прилипал к Шэнь Цзицзе в любое время, как конфетный пирог.

Пакет Белый кролик был почти съеден, поэтому Шэнь Цзицзе купил ему еще один. Но однажды посреди ночи у Лу Жуна разболелись зубы, он пищал, лежа на кровати, закрывая щеки. Его Белые кролики были, наконец, найдены и конфискованы дедушкой Цаем.

Шэнь Цзицзе также подвергся критике.

"Я не могу позволить тебе есть так много конфет," — на следующий день он открыл рот Лу Жуна, посмотрел на самый внутренний кариес на солнце и торжественно сказал.

"Но..."

"Нет!"

Школа Шэнь Цзицзе открывалась раньше, чем деревенская школа Лу Жуна, и вскоре пришло время возвращаться в Пекин.

В течение нескольких дней Лу Жун хмурился. Когда дедушка Цай спросил Шэнь Цзицзе о школе за обеденным столом, он уронил палочки для еды и заплакал.

"Малыш, дело не в том, что ты больше его не увидишь. Сяо Цзе может приезжать сюда играть в будущем," — сказал дед Цай.

Он вновь сказал Шэнь Цзицзе: "Пока ты хочешь играть, даже если твой дядя вернется в город, все будет хорошо. Садись на большой поезд до округа, дедушка встретит тебя на окружном железнодорожном вокзале."

Шэнь Цзицзе повертел в руках овощной лист палочками для еды и сказал в ответ: "Хорошо, дедушка."

В ту ночь дедушка Цай был занят на кухне, снимая два куска желтой свинины с балок дома, заворачивая их в пластиковые пакеты, чтобы Шэнь Цзицзе отвез их обратно в столицу.

"Возможно, твои родители не пробовали свинину Лунцюань, так что забери ее и дай им тоже попробовать," — дед Цай снова засунул свиной язык и несколько сосисок в щель пластикового пакета.

"Дедушка, нет необходимости, оставь это себе и Жун-Жуну," — сказал Шэнь Цзицзе.

"Она у нас все еще есть, когда погода станет прохладнее, мы снова приготовим новую свинину," — дедушка Цай продолжал запихивать ее внутрь, пока сумка не раздулась и в нее больше нельзя было ничего запихнуть.

Шэнь Цзицзе закончил принимать душ в простой ванной. Когда он вернулся в спальню, то увидел Лу Жуна, лежащего на боку в кровати, вяло теребящего пальцами плед.

Когда он лег в постель, Лу Жун повернулся и уткнулся лицом ему в шею.

Волосы мягкие, пушистые коснулись шеи Шэнь Цзицзе. Он обнял Лу Жуна за плечи и похлопал его, протягивая руку к шортам, висевших в изножье кровати, и достал все деньги, которые были внутри.

Он засунул десятки купюр обратно в карман брюк и протянул Лу Жуну несколько крупных: "Держи."

Лу Жун не понял его намерений и удивленно поднял голову.

"Возьми деньги, обычно ты покупаешь конфеты, но теперь тебе нельзя их покупать, ты можешь купить книги и карандаши," — сказал Шэнь Цзицзе.

Лу Жун в шоке пробормотал: "Это так много, я не могу купить столько книг и карандашей. Сколько слов мне нужно написать?"

"Возьми. Разве ты не говорил, что хочешь купить дедушке новые туфли? Ты можешь купить ему обувь прямо сейчас, а остальное оставить себе на карманные расходы," — Шэнь Цзицзе взял его за руку, согнул его тонкие пальцы и положил туда деньги.

Лу Жун запаниковал и сунул деньги ему в руку, как будто они горячие: "Я не хочу, дедушка побьет меня, когда узнает об этом, поэтому я не смею просить у тебя денег."

Шэнь Цзицзе опустил лицо: "Ты не хочешь плату на поддержание нашей семьи?"

"Чего?" — Лу Жун не понимал, что такое "плата на поддержании семьи".

Шэнь Цзицзе терпеливо объяснил: "После того, как я вышел замуж, мне придется платить за содержание моей семьи, понимаешь? Это все, что у меня есть сейчас, но не волнуйся, в будущем я буду откладывать карманные деньги каждый месяц, а потом отправлять их тебе по почте."

“Если ты боишься, что дедушка скажет тебе, просто спрячь это и сохрани. Не волнуйся, это не деньги от посторонних, это плата за поддержание, которую я тебе даю, так что ты должен ее принять.”

Лу Жун немного подумал и понял.

Многие мужчины в деревне выходят на работу, а их жены время от времени получают деньги, которые идут на содержание семьи.

Когда эти жены получали деньги, они никогда не чувствовали, что не должны их брать. Они были очень прямолинейны и объявляли об этом всей деревне, опасаясь, что другие не узнают. Это что-то, чем стоит хвастаться.

Он жена своего гэгэ, поэтому ему также необходимо принять эту плату за содержание.

Сердце Лу Жун было взволновано, его прекрасные глаза затуманились дымкой, и его взгляд стал глубже и темнее.

Приятно выходить замуж, приятно иметь мужа.

Шэнь Цзицзе тоже размышлял, ему не стоит ежедневно покупать закуски, он будет завтракать дома, не будет покупать популярные в классе гаджеты, он сохранит деньги и отправит их Лу Жуну.

Он так устал быть замужем, устал быть мужем.

Но узел завязан, что еще он мог сделать? Он просто хочет побыстрее повзрослеть, чтобы зарабатывать больше денег.

Они прижались друг к другу на кровати, беззвучно перешептываясь.

“Я уезжаю завтра, и я не знаю, будет ли у меня шанс попрощаться с воином-оленом” — Шэнь Цзицзе меланхолично вздохнул, прежде чем лечь спать.

Лу Жун пошевелился в его объятиях, он не был уверен, услышал ли тот это.

Была поздняя ночь, вся деревня погрузилась в глубокий сон. Шэнь Цзицзе почувствовал, что что-то коснулось его ушей.

Он подумал, что это Лу Жун, и сказал ошеломленно: “Спи, не создавай проблем.”

Как только его голос затих, теплый и влажный язык облизал его лицо. Сначала он подумал, что это Сяо Гао, но потом понял, что это не он.

Хотя Сяо Гао называли щенком, на самом деле у этой большой желтой собаки был шершавый язык, она с энтузиазмом облизывала людей, ей не терпелось размазать всю слюну по лицам.

Но это прикосновение явно отличалось, гладкое, нежное и осторожное.

Шэнь Цзицзе внезапно открыл глаза и встретился взглядом с парой больших глаз менее чем в двух дюймах от себя.

Большие глаза, увидев, что он проснулся, не запаниковали, только немного отступил назад, показав четкую оленью морду.

Шэнь Цзицзе затаил дыхание и спокойно посмотрел на Сяо Бая.

Маленький белый олень наклонил голову, поджал губы и улыбнулся ему.

В лунном свете его прямой черный нос походил на виноградину, глаза были нежными и влажными. Шэнь Цзицзе даже увидел, что на них были ряды ресниц, он моргал прямо, как человек.

Шэнь Цзицзе медленно выпрямился, и олененок тоже сделал полшага вперед, опустил голову и потерся затылком о его шею.

Его мех, белоснежный и мягкий, как тонкий шелковый атлас, потирался о его кожу, глаза послушные, а движения такие осторожные и нежные.

На мгновение Шэнь Цзицзе остолбенел, как будто увидел Лу Жуна.

Эта мысль только мелькнула в его голове. Немного нервничая, позволил маленькому белому оленю потереться о себя, боясь, что его движения потревожат его, и осторожно сказал: "Привет, воин-олень."

Олененок внезапно шумно выдохнул, как будто смеясь.

Когда Шэнь Цзицзе повернул голову, чтобы посмотреть, тот снова поджал губы и соорил невинные глазки.

В ушах у него раздался звук бегущей воды, Шэнь Цзицзе огляделся только для того, чтобы обнаружить, что он сидит на лужайке, недалеко от ручья, сияющего серебристо-белым

искрящимся светом. На небе висела полная луна, светлячки летали по лужайке, как звезды.

"Ух ты, здесь так красиво." — Он вздохнул про себя: "И нет никаких страшных призраков."

В этот момент, если бы он зашел в лес позади себя, то увидел бы несколько луж черной воды, оставшихся на земле. Лу Жун вошел раньше, беспокоясь, что тот последует за ним, как в предыдущие два раза, поэтому быстро избавился от призраков.

Олень сел рядом с ним и вместе стала наблюдать за светлячками. Шэнь Цзицзе взглянул на него при оставшемся свете и смог разглядеть только маленькие серебряные рожки, время от времени покачивающиеся при движении его головы.

"Я уезжаю завтра, приятно вновь увидеть тебя сейчас," — Шэнь Цзицзе протянул руку, чтобы дотронуться до головы олененка, обнаружив, что тот не отказывается, он дотронулся до каждого по очереди.

"Но моя жена здесь, так что я вернусь на зимние каникулы. Надеюсь, я все еще смогу встретиться с тобой."

Олененок тихо слушал, медленно положив голову ему на колено, выглядя очень привязанным к нему.

Через некоторое время он перевернулся, лег на спину и посмотрел в небо, беззаботно обнажая свой белый пушистый живот, расслабленный и уютный, его четыре копыта раскинулись, он напоминал оленью лепешку.

Шэнь Цзицзе посмотрел вниз на олененка у себя на коленях: "Спасибо тебе за то, что помог мне дважды. Нет, скорее, спасибо, что ты спас меня дважды."

Закончив говорить, он торжественно сказал: "Не мог бы ты, пожалуйста, оказать мне еще одну услугу?"

Глаза маленького белого олененка обратились к нему, и в его черных глазах отражалась луна.

"Я не знаю, что это, но, в конце концов, это не сон. Если Лу Жун снова столкнется с подобными ужасными вещами после того, как я уйду, пожалуйста, помоги позаботиться о нем." — Шэнь Цзицзе обеспокоенно сказал: "Без меня он будет напуган, заплачет, не знаю будет ли ему грозить опасность."

Олененок уставился на него и вдруг высунул язык и лизнул его руку, словно утешая.

"Значит, ты согласен?" — спросил Шэнь Цзицзе.

Олень снова кивнула.

“Спасибо тебе, воин-олень.”

Телепорт висел недалеко от лужайки, Шэнь Цзице и Сяо Лу вышли, попрощавшись.

Вокруг было тихо, Лу Жун все еще лежал на краю кровати и крепко спал. Шэнь Цзице укрыл его одеялом, начиная засыпать.

Через некоторое время Лу Жун, который, казалось, спал, открыл глаза. Некоторое время он смотрел на лицо Шэнь Цзице, потом подался вперед и нежно лег в его объятия.

...

Когда Лу Жун проснулся, уже рассвело, он лежал посреди кровати один, вокруг него никого не было.

Он встал в оцепенении и пошел посмотреть, куда Шэнь Цзице обычно клал свою школьную сумку. Черная школьная сумка исчезла.

"Гэгэ, гэгэ."

Лу Жуна, почувствовав панику, дважды крикнул, не получив ответа, выбежал босиком.

Он с грохотом распахнул кухонную дверь, бабушка Цай набирала в корзину овощи.

"Бабушка, где мой гэгэ?" — Громко спросил Лу Жун.

"Ты опять босиком? Где обувь? Иди сначала надень свои ботинки."

Лу Жун повернулся и толкнул дверь душевой. Деревянная дверь врезалась в серую стену и отскочила назад, сотрясаясь и дребезжа.

“Ты спал, когда дядя Шэнь пришел забрать Сяо Цзе. Увидев, что ты крепко спишь, он не стал тебя будить,” — сказал дед Цай, выбегая за кухонную дверь с зеленым овощем в руке.

Лу Жун стоял в дверях душевой в оцепенении, грустный и раздраженный.

Он собирался проводить своего гэгэ, но так много спал, что не проснулся, когда тот уходил.

"Дедушка, как они ушли?" — Когда Лу Жун обернулся, в его больших глазах уже блестели слезы.

Дедушка Цай пораженно и беспомощно сказала: "На машине дяди Шэня."

...

Черный внедорожник ехал по шоссе Лунцюань, кругами спускаясь по извилистой дороге.

Шэнь Цзицзе сидел на заднем сиденье, в оцепенении прислонившись к спинке стула. В руках он держал школьную сумку, а рядом с ним — чемодан и пакет со свининой от дедушки Цая.

"Ты что, еще не проснулся? Когда мы выедем из города на шоссе, ты сможешь поспать, я разбудю тебя, когда доберемся до аэропорта," — Шэнь Янь посмотрел на своего племянника в зеркало заднего вида, думая, что у него плохое настроение и ему хочется спать.

Шэнь Цзицзе искоса посмотрел в окно, не издав ни звука.

Когда Шэнь проснулся, его первой реакцией было посмотреть на Лу Жуна, спящего рядом с ним.

Мальчик был завернут в махровое одеяло и крепко спал, слегка похрапывая, как кот.

"Сяо Цзе, не буди его, а то он заплачет и устроит неприятности," — прошептал дед Цай у двери.

Шэнь Янь сказал тем же тихим голосом: "Да, не буди его, поехали."

Шэнь Цзицзе говорил достаточно долго с Лу Жуном в последние несколько дней, он также прощался и неоднократно успокаивал его каждый день. Услышав, что сказали дедушка Цай и дядя, он не издавал ни звука, осторожно поднимаясь.

Умывшись, дядя притащил его багаж и стоял во дворе, разговаривая с дедом Цаем. Шэнь Цзицзе вернулся в спальню и посмотрел на спящее лицо Лу Жуна.

Мягкие волосы разметались по подушке, Шэнь Цзицзе знал, что, когда он встанет, он снова будет похож на маленького льва. Но его волосы были такими мягкими, что через некоторое время они смиренно вернутся на место.

Он протянул палец, очень легко трогая одну из прядей, сказал едва слышным голосом: "Жун-Жун, я уезжаю и снова приеду повидаться с тобой во время зимних каникул."

Лу Жун перевернулся на другой бок и мечтательно что-то пробормотал.

Шэнь Цзицзе откинул голову на спинку заднего сиденья, слегка покачиваясь вместе с машиной.

Его рассеянный взгляд был устремлен в окно машины, на его лице не было радости от того, что он собирается ехать домой. Он выглядел вялым.

Шэнь Янь наконец понял, что его племяннику не хочется уезжать отсюда, и недоверчиво улыбнулся: "Хочешь снова приехать на гору Лунцюань? Подожди, пока начнутся зимние каникулы, дядя приедет и возьмет тебя поиграть. На данный момент проект завершен, так что приедем сюда позже, чтобы восстановить силы."

Шэнь Цзицзе уклончиво промурлыкал.

Независимо от того, будет ли дядя относиться к этому небрежно или нет, он обязательно приедет во время зимних каникул.

Было бы лучше, если бы он приехал один.

...

Белый олененок бежал между деревьями и кустарниками. Утреннее солнце, теплое и мягкое, падало на оленя, сквозь щели в листве.

Его четыре копыта взлетели, его стройные ноги, казалось, расцвели гроздьями огненно-красных цветов, вспыхивающих в тени зелени, цвета были одновременно прекрасны и удивительно гармоничны.

Лес находится высоко на вершине горы, там не было дороги, никто не может войти в него. Разбросанные ветви и кустарники не могли помешать ему быстро продвигаться вперед.

Олененок выбежал из леса, спрыгивая вниз с гротескных скал, его серебряные рога ярко сияли, отражая золотистый солнечный свет.

Если кто-то посмотрит на него сейчас, он будет настолько потрясен, что не сможет открыть глаза.

Лу Жун бежал быстро, постоянно глядя на дорогу под ногами, пот сочился с его меха, стекая вниз при беге.

Хотя Ван Ту и дядя Бай с детства учили его, что он не должен превращаться в оленя за пределами страны грез, он прислушался к ним на протяжении многих лет, никогда не превращаясь в оленя по своей воле.

Но сейчас ему все равно, он просто хочет догнать своего гэгэ, он просто хочет догнать его...

...

Шэнь Цзицзе продолжал смотреть в окно машины, нажимая на щель в стекле.

Ветер в горах, чистый и сильный, неся аромат травы и почвы, рассеивал уныние в машине.

Когда подул еще один порыв ветра, до его ушей донесся слабый крик.

"Гэ...гэ."

Знакомый голос сотряс тело Шэнь Цзицзе, он заподозрил, что у него слуховые галлюцинации.

"Гэгэ... муж..."

Голос становился все отчетливее и яснее, и даже Шэнь Янь подозрительно выглянул из окна машины.

Шэнь Цзицзе больше не подозревал, что у него проблема со слухом. Он быстро опустил стекло машины, вытянув голову, чтобы выглянуть наружу.

Он увидел маленькую фигурку, стоящую перед лесом на вершине горы неподалеку, прыгающую и машущую ему рукой.

"Жун-Жун!" — Шэнь Цзицзе взволнованно расправил плечи и хрипло закричал.

Его сердце обдало жаром, казалось, его кто-то крепко сжал, отчего глаза заболели и опухли.

"Жун-Жун!" — Он снова хрипло закричал, вставая со своего места, и высунулся всей верхней частью тела из окна машины.

Скрип—

Шэнь Янь поспешно нажал на тормоза, опуская стекло водительского сиденья, чтобы посмотреть на вершину горы.

"Боже, как этот парень туда забрался? Он все еще спал перед тем, как мы отправились в путь, на нем нет никакой одежды, он погнался за нами, как только встал! Он действительно догнал нас по какому-то короткому пути?"

Он издал серию тихих восклицаний.

Лу Жун уже перевоплотился обратно, прежде чем позвать Шэнь Цзицзе. Он посмотрел на человека, высунувшегося из внедорожника, увидев, что Шэнь Цзицзе плачет, он тоже заплакал.

Двое детей были разделены скалой, они рассеянно смотрели друг на друга полными слез глазами и махали друг другу руками.

"Жун-Жун," — Шэнь Цзицзе поперхнулся.

Лу Жун открыл рот и завопил: "Гэгэ..."

Шэнь Янь посмотрел на сцену с двумя детьми так, словно они прощались навсегда, почувствовав, что это грустно и смешно. Он просто откинулся на спинку сиденья, закурил сигарету и сказал: "Ты не можешь этого не вынести, разве вы не сможете встретиться снова во время зимних каникул? Что это? Похоже на то, как будто жена провожает своего мужа..."

Шэнь Цзицзе пристально смотрел на фигуру Лу Жуна, в ушах у него звучали эти слова, он с неловкостью думал: "Жена провожает своего мужа?"

Шэнь Янь подождал, пока не докурит сигарету, выбросил окурочек и сказал: "Ммм, нам пора, иначе мы слишком поздно доберемся до города и не успеем на самолет."

Сказав это, он завел машину.

Лу Жун увидев, как внедорожник медленно тронулся с места, сделал два шага вперед, завывая все громче.

Шэнь Цзицзе поспешно остановил его и сказал: "Не иди за мной, не стой там, это опасно, возвращайся быстрее."

"О... Гэгэ..."

Крик Лу Жуна был подобен острым когтям, царапающим сердце и легкие Шэнь Цзицзе. Он вытер слезы с лица и хрипло крикнул: "Я приеду во время зимних каникул, я буду звонить. Я помню номер телефона деревенского комитета. Ты должен усердно учиться и совершенствоваться каждый день."

Лу Жун пообещал, плача и рыдая: "Я... я буду усердно учиться, боже... каждый день, ты... ты тоже должен учиться."

Увидев, что трасса вот-вот свернет к подножию горы, Шэнь Цзицзе приложил руки ко рту, независимо от того, был ли его дядя в машине или нет, он быстро закричал: "Помни, у тебя есть муж Шэнь Цзицзе, и вы будете вместе, когда вы вырастите... вместе."

"Помню, моего мужа зовут Шэнь Цзицзе. Когда я вырасту, я поеду в город, чтобы найти его."

Нога Шэнь Янь соскользнула, чуть не нажав на педаль тормоза, вместо газа.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14910/1326857>